

**детектив
мелодрама**

Читайте захватывающие детективные мелодрамы Галины Романовой:

Расплата за наивность
Встретимся в другой жизни
Я – его алиби
Девушка с секретом
Блудница поневоле
Неплохо для покойника!
Стервами не рождаются!
Дожить до утра
Крестный папа
Ничто не вечно под луной
Миллион причин умереть
Рыжая-бесстыжая
Охотники до чужих денег
Мужей много не бывает
Ты у него одна
Любитель сладких девочек
Игры в личную жизнь
Черт из тихого омута
Обмани меня красиво
Старая тайна, новый негодяй
Миллионерша поневоле
Внимание: неверный муж!
В любви брода нет
Последняя ночь с принцем
Осколки ледяной души
Счастье по собственному желанию
Любвеобильный джек-пот
Длинная тень греха
Личное дело соблазнительницы

Большие проблемы маленькой блондинки
Красотка печального образа
Ночь с роскошной изменницей
Окно в Париж для двоих
Лицензия на happy end
Черная корона
Рыцарь чужой мечты
Демон искушения
Грешница в шампанском
Принцип Отелло
Исполнительница темных желаний
Жизнь нежна
Мода на чужих мужей
Пока смерть не разлучит нас
Завтра не наступит никогда
Пять минут между жизнью и смертью
Любовь окрыляет
Единственная моя
С первого взгляда
Второй подарок судьбы
Зеленые глаза викинга
Тайна, приносящая смерть
Цвет мести – алый
Не доставайся никому!
Чужая жена – потемки!
Возвращаться – плохая примета
Врачебная тайна
Призрак другой женщины
Тайну хранит звезда
Семь лепестков зла

Галина
РОМАНОВА

Неплохо
для покойника!

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 69

Оформление серии *А. Марычева*

Романова Г. В.
Р 69 Неплохо для покойника! : роман / Галина Романова. — М. : Эксмо, 2013. — 320 с. — (Детектив-мелодрама Г. Романовой).

ISBN 978-5-699-64595-4

Судья Анна Грачева после двух лет счастливой супружеской жизни теряет мужа. Единственного подозреваемого она вынуждена освободить из-за отсутствия улик. Случайное знакомство и разговор с местным авторитетом Хлыстом настораживают Анну. Его младший брат погиб точно при таких же обстоятельствах, как и ее любимый муж: машина взлетела на воздух. Взрывное устройство — идентично. Хлыст считает, что в гибели обоих виновен один и тот же человек. В поисках истины судья и криминальный авторитет обнаруживают то, что напрочь перечеркивает все их предположения...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-64595-4

© Романова Г.В., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Я внимательно наблюдала за ублюдком, сидящим на скамье подсудимых, и желание задушить его собственными руками с каждой минутой становилось все сильнее.

— Вы по-прежнему отрицаете свою причастность к происшедшему? — прозвучал мой голос под сводами зала заседаний.

— Абсолютно, — мотнул головой подсудимый. — В тот момент, когда этот парень горел в своем автомобиле, я был дома... Я спал...

— Понятно... Кто может это подтвердить? — как можно спокойнее спросила я, прикрыв горящие ненавистью глаза. — Как видно из материалов следствия, подтвердить ваше алиби никто не может...

— Я спал! — упрямо повторил он. — А когда люди спят, то в свидетели редко кого приглашают.

«Сволочь! — едва не закричала я зубами. — Он же издевается надо мной!»

Понимая, что если произнесу хоть одно лишнее слово, то выдам себя с головой, поэтому несколько минут я молчала, напряженно

размышляя, потом поднялась и произнесла сакраментальную фразу:

— Суд удаляется на совещание.

А спустя два часа после изнурительных метаний по тесному кабинетику данной мне государством властью я освободила эту сволочь из-под стражи прямо в зале суда.

Гул возмущенных голосов, поднявшийся после вынесения приговора, заставил мои уши и щеки покрыться краской стыда, но повернуть время вспять уже было невозможно.

Я его освободила!..

ГЛАВА 1

Трещина на потолке, казалось, разрасталась.

Битых сорок восемь часов я лежала на широкой кровати в нашей с Тимуром спальне и пялилась на треснувший потолок.

Сколько сил вложили мы в эту старенькую квартиру, чтобы придать ей жилой вид! С каким удовольствием мы вместе выбирали обои в местном магазинчике, дурачась и хвастаясь друг перед другом своим умением наклеивать их на стены! И как потом хохотали, проснувшись утром и обнаружив плоды трудов своих отвалившимися от стен и свернувшимися серпантинном у наших ног.

— Все, малыш! Хватит! — шевельнул тогда

усаами Тимур. — Это не наша с тобой стезя. Пусть этим делом занимаются специалисты.

— А что будем делать мы? — выдохнула я, с обожанием таращась на мужа.

— А мы... — он нежно поцеловал меня в висок. — А мы уедем на край света!..

Краем света оказалась крохотная охотничья сторожка в глухой тайге, где любил проводить школьные каникулы мой муж.

Вековые кедры, спустившись по склонам крутого оврага, обступили ее со всех сторон, надежно спрятав под своими кронами. Маленькая речушка, берущая начало из-под огромного валуна на самом дне оврага, оглашала окрестности многоголосым серебряным перезвоном. И этот звук был, наверное, единственным, нарушающим тишину и безмолвие этого сурового на первый взгляд края.

Мне полюбилось это место, едва я его увидела. Стоя на ступеньках крыльца маленькой уютной избушки, я могла без усталости наблюдать, как просыпается солнце, возвещая о рождении нового дня.

— Чего тебе не спится? — выходил на крыльцо Тимур, сонно моргая глазами. — Рано еще!

— Тимочка! — едва не задыхалась я от восторга. — Ты посмотри! Это же просто чудо! Кромка леса загорается багряным, а затем тускнеет, тускнеет и вдруг зажигается золотом!..

— Малышка моя! — с нежностью выдыхал

мой супруг. — Тебе бы стихи писать, а не заниматься судебными разбирательствами...

— Это тоже нужное дело, — возражала я, безропотно подчиняясь сильным рукам Тимура. — Кто-то должен заниматься и этим!

Наши безобидные препирательства обычно заканчивались, не успев достигнуть апогея.

Вообще, по правде сказать, за нашу с ним недолгую совместную жизнь, а она насчитывала ни много ни мало — два года, я не помню ни одной мало-мальски серьезной ссоры. Единственное, что отравляло мне существование, так это то, что он до сих пор не спешил оформлять наши с ним отношения.

— Это простая формальность, малыш! — смеялся он, щекоча мне усами шею. — Ни один штамп в паспорте не заставит меня полюбить или разлюбить кого-то... Ты моя жена перед богом, а остальное все неважно.

Со временем я свыклась с этим и иначе как супругом его не величала. Жизнь текла, стирая шероховатости в наших отношениях и наполняя великим счастьем обладания друг другом. А эти три недели, проведенные вдали от цивилизации, были, наверное, самыми счастливыми за все то время, что мы были вместе.

Просыпаясь ближе к полудню после испепеляющего любовного марафона, мы брели к ручью, набирали воды и там же готовили нехитрую трапезу. Тимур мог при этом, вооружившись удочкой, напевать во все горло какие-то песни на странном непонятном языке.

— Ты всю рыбу распугаешь! — хохотала я, склонившись к котелку с супом.

— Так пугать-то некого! — делал он дурашливую физиономию. — Ее тут и нет!

Как ни странно, но рыба ловилась. Мы ее варили, жарили, даже ухитрились засолить на таранку. Но есть ее нам не пришлось, она так и осталась подвешенной к потолку на длинном капроновом шнуре.

* * *

— Анька! — раздалось под самыми моими окнами. — Ты дома?

Так могла орать, распугивая всех дворовых кошек и кур, только моя подруга Тонька. Ей плевать было на то, что сейчас половина седьмого утра и многие люди в этот час могут еще спать. Ей нужна была я, а все остальное было неважно!

— Анька! — уже более требовательно заголосила Антонина. — Выгляни наконец!

Отвлечшись от трещины в потолке, созерцанием которой я занималась вторые сутки подряд, я поднялась с кровати и, с трудом переставляя ноги, выглянула с балкона.

— Чего орешь? — недобро уставилась я на подругу. — Времени знаешь сколько?

— Ты дома... — пропустив мимо ушей мои слова, констатировала Антонина и величаво прошествовала к подъезду.

Удивительное сочетание противоречий объ-

единыла в себе эта женщина. Со статью и походкой герцогини, никак не меньше, она могла скандалить и голосить, словно простая базарная баба. Осанка ее при этом оставалась такой же, поэтому желание склониться перед нею в реверансе не исчезало в продолжение всей непечатной тирады. Вот и сейчас, едва она переступила порог моей квартирки, как принялась нецензурно ласкать меня, царственно вышагивая по маленькой гостиной.

— Капуста чертова! — клокотала она от праведного гнева. — Ты посмотри, в кого ты превратилась?

— В кого? — тупо переспросила я, положив всклоченную голову на спинку дивана.

— В кого? — передразнила Тонька и грациозно опустилась рядом со мной, накрыв меня облаком дорогих духов. — Ты жить дальше собираешься или нет?

— Зачем? — не меняя интонации, спросила я. — Для чего?

— Анька! — угрожающе произнесла подруга. — Если ты не прекратишь себя казнить, то я...

— Что ты?!

— Я не знаю, что с тобой сделаю!

И тут случилось удивительное — она заплакала!

Привыкнув к тому, что Тонька является образцом хладнокровия, невозмутимости и еще бог знает каких достоинств, определяющих ее уравновешенный характер, я растерялась.

— Тонь, ты чего? — ошалело захлопала я ресницами.

— Ничего, — хлопнула та носом и вытащи-ла из сумочки кружевной носовой платочек. — А как бы ты, интересно, прореагировала, на-блюдая за агонией своей самой любимой по-други?..

Тут и в моем носу защекотало, и мне ничего не оставалось делать, как уткнуться в ее плечо и зареветь. Я всхлипывала и причитала, не за-мечая, как похлопывает меня по спине Анто-нина, время от времени вставляя короткие фразы. Одна из них меня насторожила, и я, от-странившись, с недоумением переспросила:

— Что она сказала?

— Ничего путного, — попыталась уйти от ответа Тонька, но я была настойчива, и ей при-шлось пуститься в объяснения. — Я проходила под ее окнами. Голову подняла, а она едва из окна не свешивается. «Шалава!» — орет. Я ее спрашиваю: «Кто?» Ну а она и давай верещать на всю округу. Что, ты ее не знаешь?

— Вот дура баба, — совершенно искренне изумилась я. — Сколько же времени прошло, а ей все угомону нет.

— Да, — с пониманием качнула подруга го-ловой. — Люська еще тот экземпляр! Как я тебе говорила, привлеки ее к ответственности! Так ты — нет... Сами разберемся... Разобра-лись?

Следует пояснить, что Люська была быв-шей тещей моего Тимура. С женой тот расстал-

ся просто и без долгих объяснений, а вот теща... Обвинив его, меня и еще бог знает кого в развале семьи, она начала с того, что принялась меня преследовать. Стараясь не обращать внимания на ее злобные выпады, я в глубине души лелеяла надежду, что рано или поздно ей это надоест. Но, как показало время, она была неутомима.

— Что ты намерена делать? — прервала мои размышления Антонина.

— В каком плане?

— Во всех направлениях, дорогуша! Перво-наперво надо этой стерве рот закрыть, а второе...

— Что? — сразу насторожилась я.

— Тебе необходимо уехать...

— Тонь, ты в своем уме? — вытаращилась я. — Не могу сейчас уехать!

— Именно сейчас ты и должна уехать! — невозмутимо заявила она и поднялась со своего места. — После всего, что произошло, другого выхода у тебя просто нет!

Она принялась величественно гарцевать по комнате, обрушивая на мою голову тысячу разных причин, по которым я не должна оставаться в городе. Она была так красноречива и неутомима в своих рассуждениях, что к концу ее речи я была готова на любое путешествие, лишь бы она замолчала.

— Куда я, по-твоему, должна уехать? — потерла я заломившие виски. — Где меня кто ждет?

— Езжай туда, где вы отдыхали с Тимуром, — обрадованно затараторила Тонька, увидев, что я сдаюсь. — Сама говорила, что место это никому не известно, туда зверь редко забегает, не то что человек...

— Ты считаешь это самым лучшим местом для реабилитации моей души? — скептически скривила я губы. — Ничего интереснее не придумала?

Подруга сделала глубокомысленное лицо и, остановившись против того места, где я сидела, принялась меня воспитывать. Она говорила долго и пространно. Многое из ее речи мне было непонятно, единственное, что я уловила, так это то, что начать возрождаться я должна была именно в том самом месте, где когда-то была несказанно счастлива.

— Это будет больно, — прошептала я, уставив на Тоньку немигающий взор.

— Знаю, — решительно тряхнула она головой. — Но байку про хирурга и его методы ты знаешь, так что давай собирайся, а я поеду с тобой.

Вопреки ожидаемому, сборы заняли чуть больше времени. Антонина, развившая за неделю бурную деятельность, успела многое. Но даже ей было не под силу убедить Семена Алексеевича, председателя суда Левобережного района, дать мне расчет. Он был неумолим.

— Пусть берет отпуск без содержания, — как всегда, тихим голосом ответил он, разом отмечая все Тонькины аргументы. — К тому

же, Антонина Ивановна, я думаю, что мне лучше поговорить с глазу на глаз с ней самой.

Этого я боялась больше всего. С тех самых пор, как был выпущен на свободу Алейников, по иронии судьбы носивший то же имя, что и мой муж, я больше не показывалась на работе.

Сначала я взяла больничный у невропатолога, затем у терапевта, потом следом отправилась к окулисту. Продлевая больничные листы сколько это было возможно, я была движима единственной целью — быть подальше от людей. Когда же врачи, пряча глаза, поочередно заявляли, что здоровью моему ничто не угрожает, я просто перестала ходить на работу. Ложилась на кровать, обнимала подушку и часами пялилась на трещину в потолке.

Причудливым зигзагом пробежав от двери к люстре, та резко сворачивала и, разделившись на две одинаковой длины извилины, змейкой устремлялась в разные стороны. В результате такого замысловатого излома площадь потолка была поделена на три неравные части. Я считала это символичным, отождествляя этот раздел с моей поломанной жизнью.

Первую, самую большую часть, слабо освещаемую солнцем, я относила на жизненный участок пути до Тимура. Детство, отрочество, юность... Все было как у всех: родительский дом, институт, работа. Все это пролетело, как короткий миг, не успев оставить в памяти моей хоть какой-то значимой отметины.

Вторую, крохотную узкую полоску, все

время находящуюся на свету, я представляла временем, когда была счастлива. А третья, постоянно пребывавшая в тени, должна была олицетворять мое будущее, потому что свет для меня померк именно в тот день и час, когда, вызвав меня к себе в кабинет, Семен Алексеевич сообщил мне о гибели моего мужа.

Я плохо помню, что произошло потом. Рваные клочья темноты замелькали перед остановившимися глазами. Рот в безмолвии открывался и закрывался, не в силах выдать хоть что-нибудь. А сердце сжала жуткой силы тоска. Она давила непомерной тяжестью безвозвратной потери, заставляя отрешиться от всего, в чем раньше я находила радость. Я ходила, ела, пила, но это была уже не я, а моя высохшая от горя оболочка.

И тогда Антонина, единственный человек, с кем я тогда общалась, направила мои мысли и чувства в нужное русло, определив их одним коротким словом — мечь!..

Жажда мщения с каждым днем становилась все острее. Я едва не на коленях умоляла Семёна Алексеевича отдать мне это дело, ссылаясь на то, что наши с Тимуром отношения не были зарегистрированы официально. Когда же он скрепя сердце согласился, я принялась со всей скрупулезностью изучать материалы, вникая во все мелочи, которые следователю показались незначительными. День за днем я репетировала сцену судебного процесса, ликуя от предвкушения. Но на деле все оказалось не так...